

**ТАЙБАЛИНА Е. А. — ПЕШКОВОЙ Е. П.
ТАЙБАЛИН Г. Г. — ПЕШКОВОЙ Е. П.
ТАЙБАЛИНА Е. А. — ПЕШКОВОЙ Е. П.
ТАЙБАЛИНА Е. А. — СТАЛИНУ И. В.**

ТАЙБАЛИН Григорий Григорьевич, родился в 1879 в Санкт-Петербурге. В 1897 — окончил реальное училище, поступил в Технологический институт. С марта 1901 — дважды арестован во время студенческих демонстраций и выслан. В 1914 — добровольцем на фронте офицером, с 1917 — чертежник, техник, бухгалтер, с 1920 — заведующим бухгалтерии в "Трансгосторге" в Петрограде. В 1922 — окончил Технико-педагогический институт, работал в "Трансгосторге", в 1928 — вышел на пенсию. Женат на Евгении Андреевне Тайбалиной, в семье — два сына. 24 ноября 1928 — арестован как «участник контрреволюционной монархической организации "Воскресение"».

ТАЙБАЛИНА (урожд. Пеликина) Евгения Андреевна, родилась в 1879 в Санкт-Петербурге. Окончила гимназию и Технико-педагогический институт. С 1897 — зарабатывала частными уроками, с 1911 — переводчица в журнале "Вестник Знания", с 1913 — корреспондент, помощник заведующего иностранного отдела, с 1917 — служащий акционерного общества. С февраля 1919 — машинистка Военстроя, с февраля 1923 — давала частные уроки, с января 1925 — делопроизводитель, машинистка, кассир Санитарно-технического бюро, с августа 1927 — на пенсии. Замужем за Григорием Григорьевичем Тайбалиным, в семье — два сына. 11 декабря 1928 — арестована как «участница контрреволюционной монархической организации "Воскресение"». 4 января 1929 — освобождена под подписку о невыезде.

В июне 1929 — Евгения Андреевна обратилась за помощью к Екатерине Павловне Пешковой.

<2 июня 1929>

«Многоуважаемая Екатерина Павловна!

Слыша много о Вашем беспристрастии, справедливости и готовности помочь в правом деле, решаюсь обратиться к Вам в моем горе.

Муж мой, Григорий Григорьевич Тайбалин, арестован ГПУ 24/XI 28 г<ода> и содержится в Д<оме> П<редварительного> З<аключения> по сие время. 11/XII-28 г<ода> была арестована и я и освобождена 4/I-29 г<ода> с подпиской о невыезде. Обвинение нам обоим предъявлено по ст<атье> 58/11 — в принадлежности к нелегальной организации. Ни к каким кружкам или организациям мы никогда не принадлежали. Ни к кому почти никогда не выходили и нигде не бывали, почему растеряли большую часть знакомых. Будучи обременены большой семьей, муж и я проводили время или на службе в Советских учреждениях, или в занятиях по хозяйству и с детьми. К тому же с конца 1925 г<ода> муж заболел острым процессом туберкулеза легких, обострившимся на почве недоедания и переутомления от чрезвычайно напряженной работы, часто дома по ночам (муж был зав<едующим> бухгалтерией экспорта в Трансгосторге). Последние годы муж большую часть времени провел в постели.

Поводов к обвинению было 2: 1) в 1925 г<оду> я разрешила своим племянницам-сиротам, живущим у нас, принимать своих сверстников — молодежь, поиграть в маленькие игры, потанцевать, попеть. Не желая придавать этим вечерам характер приглашенных, я сказала, что мы будем рады видеть молодежь в любую субботу, вечер, наиболее удобный для служащих. Раза 2 в месяц молодежь собиралась действительно повеселиться, даже каких-либо серьезных разговоров не поднималось. С

болезнью мужа вечеринки прекратились. Пришлось отдать половину квартиры, продать рояль. Больному требовался полный покой и питание. На 3-й месяц болезни муж был уволен со службы. Учреждение, в котором я служила, как раз в то же время ликвидировалось, и мы очутились в ужасном положении и нуждались в самом насущном. У мужа процесс обострился целым рядом плевритов, так что ему почти два года пришлось пролежать в постели. Я же разрывалась между больным, добыванием средств к существованию, хозяйством и детьми.

2-м поводом — были посещения нашего дома двумя молодыми людьми, Аничковым и Миханковым, которые оказались членами религиозного кружка проф<ессора> Андреевского. О существовании кружка мы узнали только из газет, когда все члены кружка были уже арестованы. Недавнее и не близкое знакомство, очевидно, объясняет, что ни Миханков, ни Аничков никогда о существовании какого-либо кружка не упоминали. Из того же кружка раз случайно зашли проф<ессор> Андреевский и Сухов. Знакомства с ними мы не завязали.

Вот все, что ставят нам в вину.

Что же касается прошлого мужа, то, оставшись сиротой с 3-х лет, ему с 14 лет пришлось уже работать. Вся его жизнь прошла в труде и материальных лишениях. Технологический И<нститу>т ему пришлось бросить за неимением средств, пробыв на 2 курсе чуть ли не 9 лет, так как за участие в студенческих демонстрациях у Казанского Собора его посадили в Кресты и дважды выслали в административном порядке <...>

<С тех пор находился> на Советской службе, никогда в саботаже, ни в чем-либо противозаконном замешан не был. Партийным начальством всюду выделялся, как исключительно добросовестный и талантливый работник. Год тому назад, после ужасного периода нужды мы получили оба пенсию: он — 58 рублей, я — 32 рубля.

С 1/II-29 года мы пенсии мужа лишились, и наша большая семья, старуха-мать — 86 лет, инвалид, сестра безработная — 56 лет, больная, я — 49 лет, больная туберкулезом легких и кишок и 4 учащихся. Буквально погибаем от нищеты и голода. За квартиру не заплатить, дети без сапог и одежды. За что же? Человек честно в течение 10 лет, а я 8 лет проработали для Советской власти, а теперь сына старшего не принимают в авиашколу, где его теперь настоящее призвание, из-за ареста неповинного отца.

Опираясь на сознание нашей полной невиновности, убедительно прошу Вас сделать доброе и справедливое дело и способствовать скорейшему освобождению человека, который за свою службу мог бы ожидать только благодарность, а не тюремного заключения, и тем облегчить участь семьи, находящейся в безвыходном положении.

В конце марта мною было подано заявление во ВЦИК через знакомого коммуниста, сестра которого служит во ВЦИК'е. Сестра сообщила брату, что она получила официальную справку, что муж <нрзб.> и не может сообщить мне никаких результатов.

Мужу — 49 лет. С конца 1925 года болен туберкулезом II стадии, на основании чего получал пенсию, как инвалид III разряда. Кроме туберкулеза страдает склерозом в сильной степени, истощением и неврастенией. Могу прислать медицинские свидетельства.

Прошу простить меня за беспокойство, но в крайней нужде своей не могла не прибегнуть к Вашей помощи.

Евгения Тайбалина

2 июня 1929 года.

Ленинград, 28. Рыночная, 4 кв. 6. Евгения Андреевна Тайбалина»¹.

¹ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 346. С. 14-15. Автограф.

22 июля 1929 — Григорий Григорьевич Тайбалин был приговорен к 5 годам концлагеря и в августе отправлен в Соловецкий лагерь особого назначения. Работал бухгалтером. 26 июня 1931 — лагерь заменен ссылкой на оставшийся срок и в июле отправлен в Каргополь Онежского района².

22 июля 1929 — Евгения Андреевна Тайбалина была приговорена к 3 годам ссылки в Северный край. Отправлена в Архангельск, затем — в Усть-Кулом (Коми области), работала машинисткой в РИКе³. В июне 1931 — обратилась за помощью к Екатерине Павловне Пешковой.

<19 июня 1931>

«Глубокоуважаемая Екатерина Павловна.

Вашу телеграмму о судьбе мужа моего, Тайбалина Григория Григорьевича, а именно о переводе его из Соловков на 3 года в Среднюю Азию, я получила сегодня и бесконечно Вам благодарна, так как, не получая от мужа известий уже 3-й месяц, не знала, что и думать.

Известие о переводе мужа в Среднюю Азию испугало меня за его здоровье, Средняя Азия велика, — если его пошлют в умеренный климат, например, Алма-Ату, то, пожалуй, он еще выдержит такую резкую перемену климата, но Самарканд, с его слишком сильной жарой и маляриями и аналогичные ему места Туркестана, будут для него равносильными смертному приговору. Ведь он инвалид 2-й группы, у него сильно развитый миокардит, туберкулез 2-й стадии, маляриями он страдал несколько раз в жизни. Врачи говорили мне, что в Туркестане и Самарканде туберкулез у непривычных к климату очень быстро превращается в скоротечный.

Решаюсь снова беспокоить Вас убедительной просьбой помочь нам. Мне не к кому обратиться, кроме как к Вам. Прямо слезно умоляю Вас употребить Ваше влияние на выбор местонахождения мужа и затем на разрешение мне следовать за ним, может быть найдут возможным сократить мой срок на $\frac{1}{3}$, учтя мою усердную работу в Рай<онном> исполкоме уже 2-й год, если же нет, заменив последний год Сев<ерного> края Малой Азией. Жить здесь чрезвычайно трудно, весной состояние моего сердца настолько ухудшилось, что я думала, что придется здесь умереть. Мне приходилось все время очень много работать и сверх службы, чтобы не обременять просьбами о пособиях и обслуживать себя и помогать мужу. Вместе нам все же будет гораздо легче.

В случае положительного ответа попрошу еще посодействовать в выдаче мне возможного пособия на переезд. Может быть найдете возможным удовлетворить мое ходатайство, ввиду того что я ни разу не обращалась ни с какими просьбами о помощи (или же литерату).

Была бы бесконечно благодарна, если бы можно было устроить мой перевод так, чтобы я успела выехать отсюда до пароходного сообщения, т<ак> к<ак> боюсь, что 3-ю зиму я здесь не выживу, т<ак> к<ак> сильные морозы с постоянными переменами атмосферического давления совершенно разрушительно действуют на мое сердце.

Слыша много о Вашей доброте и справедливости, прошу Вас, Екатерина Павловна, примите в нас возможное участие. Мы оба за это время совершенно исстрадались всячески. Помогите людям, уже доживающим свой век. Муж мой талантливый писатель, получивший самые лестные отзывы о своих стихах и пр<очих> произведениях от многих строжайших критиков. В момент ареста он как раз сговорился с

² ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1: Д. 534. С. 197-200; Д. 605. С. 294, 345.

³ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1: Д. 534. С. 197-200; Д. 605. С. 294, 345.

Гос<ударственным> издательством о напечатании некоторых своих произведений. В Соловках он все время болел и помимо службы не мог заниматься литературным трудом. Очень важно для нас, чтобы он хоть теперь попал в такой климат, который дал бы ему возможность хоть сколько-нибудь восстановить разрушенное здоровье, а не отправил бы его в могилу.

Простите за беспокойство и вновь и вновь прошу Вас не отказать протянуть нам руку помощи.

Оба мы с самого начала революции находились на Советской службе, всегда с полным усердием относились к нашим обязанностям, никогда никаким вредительством или саботажем не занимались, всегда выделялись партийным начальством, как исключительные работники. Ссылка наша основана на большом недоразумении, основанном на клевете, может быть, и не умышленной, бывш<ей> нашей жилицы, ненормальной истерички, которая, всегда все путая, причислила нас к кружку проф<ес-сора> Мейера (религиозно-философ<скому>), к которому мы никогда не принадлежали. Муж мой познакомился с пр<офессором> Мейером только в тюрьме.

Прошу, умоляю Вас, многоуважаемая Екатерина Павловна, помогите, чем можете.

Не знаю, куда лучше подать мое заявление, во ВЦИК или ГПУ, поэтому посылаю его Вам с просьбой передать по назначению.

Мне не удалось сделать сбережений, ввиду того, что жизнь здесь чрезвычайно дорога (дрова 20-30 р<ублей> саж<ень> и т<ак> д<алее>), а ставка по дороговизне небольшая, до марта м<еся>ца я получала 60 руб<лей>, и из них ГПУ вычитывало 25%, теперь же 80 с прежним вычетом 25%. По слухам, подобные вычеты отменены с января. Правда ли это.

19/VI-31 г<ода>.

Село Устькулом Коми область

Сев<ерный> край.

Тайбалина Евгения Андреевна.

<Приписано от руки>:

Могу ли я при получении разрешения следовать за мужем, приехать хотя бы на несколько дней в Ленинград, повидать мою мать, которой 88 лет, и она все последнее время болеет. Она вдова известного ученого профессора, д<окто>ра медицины, и живет только надеждой свидания со мной.

Е. Тайбалина»⁴.

В июле 1931 — Евгения Андреевна Тайбалина вновь обратилась к Екатерине Павловне Пешковой.

«На № 14366 от 17/VII-31.

Глубокоуважаемая Екатерина Павловна

Я уже телеграммой уведомила Вас, что получила извещение от своего мужа Тайбалина Гр<игория> Гр<игорьевича> о месте его пребывания. Он оказался не в Средней Азии, согласно Вашего телеграфного извещения, а в Северном крае, Чекуевском районе, п<очтово>-т<елеграфное> агентство Карельское Лавозеро, в так называемом “диком лесу” в бараках. Т<ак> к<ак> он В<рачебно>-К<онтрольная> К<омиссией> на Соловках признан инвалидом II кат<егории>, к физическому труду не способным, а в лесу иной работы,

⁴ ГАРФ. Ф. Р8409. Оп. 1. Д. 1709. С. 173. Машинопись, приписано от руки — автограф.

кроме физической, нет, меня это известие весьма встревожило. Хотелось узнать, окончательно ли ему назначен местом ссылки Сев<ерный> край и, если да, хлопотать о переводе его хотя бы ко мне в Устькулом Коми области. Правда, здесь условия жизни в смысле продуктов и дров почти катастрофические, но я думаю, все уж не хуже, чем в лесу, а вдвоем нам будет легче. Ввиду длительности переписки с Москвой я обратилась за советом к здешнему уполномоченному ОГПУ, который сказал мне, что перевод мужа сюда зависит от Архангельского ОГПУ и Устьсысольского, и посоветовал мне написать заявление в Устьсысольск, а мужу в Архангельск, что нами в настоящее время и сделано, о чем считаю долгом довести до Вашего сведения. ОГПУ и Председ<атель> Рай<онного> исполкома, где я служу, против перевода мужа сюда ничего не имеют и говорят, что он здесь будет нужным работником. Надеюсь, что и Московское ОГПУ не будет иметь против этого возражений. Буду очень Вам благодарна, если Вы не откажетесь это выяснить и оказать возможное содействие в Мос<ковском> ОГПУ. Простите за причиненные Вам беспокойства и примите выражения глубокой благодарности и уважения.

Евг<ения> Андр<еевна> Тайбалина.

Село Устькулом

Обл<асть> Коми. Рай<онный> исполком»⁵.

Позднее Евгения Андреевна Тайбалина работала в леспромхозе, затем переведена в Усть-Сысольск, работала машинисткой в Комилесе и полгода преподавала немецкий язык в Педагогическом институте⁶.

В феврале 1932 — к Екатерине Павловне Пешковой обратился за помощью Григорий Григорьевич Тайбалин.

<4 февраля 1932>

«Помощь Политическим заключенным
Е. П. Пешковой

адм<инистративно> ссыльного
Тайбалина Григория Григорьевича

Заявление

Осенью 1929 г<ода>, проездом в Соловецкий концлагерь, я сдал в Коми на хранение мои ручные часы фирмы “Павел Буре”.

В 1931 г<оду>, при отправке меня с Соловков обратно на материк, мне не возвратили означенных часов, но обещали выслать их по первому требованию в адрес, который будет мною указан.

С самого приезда в Онежский район в Июле п<рошлого> г<ода> я вел переписку о доставке их мне, но бесплодно. Наконец 14/1 с<его> г<ода> я послал заявление в Москву на имя Прокурора ГПУ в надежде, что он сделает соответствующее распоряжение об удовлетворении моей законной просьбы. Ответа на это мое заявление пока нет.

Прошу Вас, — помогите мне получить мои часы, так как сам я бессилён принять меры к разысканию их.

Одновременно препровождаю копию упомянутого моего заявления Прокурору ГПУ в виду того, что в нем имеются все необходимые данные.

Приложение: упомянутое.

Гр<игорий> Тайбалин

4-го февраля 1932 г<ода>»⁷.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1709. С. 176. Автограф.

⁶ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 605. С. 294, 345.

В феврале 1932 — Григорий Григорьевич Тайбалин находился в Шарье Горьковского края, работал в Госбанке, получил там паспорт. В июле 1932 — ссылка заменена на ограничение проживания на оставшийся срок (-6). В 1934 — после освобождения проживал в Новгороде, позднее — в Боровичах Новгородской области, преподавал в курсовой сети комбината "Красный керамик". В 1934 — после освобождения проживал в Новгороде, позднее — в Боровичах Новгородской области, преподавал в курсовой сети комбината "Красный керамик"⁸.

В апреле 1933 — Евгения Андреевна Тайбалина была освобождена, поселилась в Шарье Горьковского края, работала машинисткой в Госбанке. В июне 1933 — получила разрешение на свободное проживание. Вернулась в Ленинград, работала в учебном комбинате при заводе № 4. После убийства Кирова отказали в продлении прописки, была вынуждена покинуть Ленинград. Поселилась в Новгороде, затем в Боровичах Новгородской области, преподавала немецкий язык⁹. В декабре 1935 — обратилась за помощью к Е. П. Пешковой.

<27 декабря 1935>

«Помощь политзаключенным
Е. П. Пешковой

Тайбалиной Евгении Андреевны

Заявление

В бытность мою в адм<инистративной> высылке в Сев<ерный> край на 3 года, с 22.12.29 г<ода> по 22.7.32 г<ода>, я обращалась к Вам с просьбой помочь мне по случаю того, что в г<ороде> Сыктывкаре мне не выдавали отпускных документов и задержали меня на 10 месяцев лишних. Вы были так добры прислать мне телеграмму о том, что мне разрешается свободное проживание по СССР и, на основании этой т<елеграм>мы, мне, наконец, были выданы документы и разрешено уехать. Я отправилась в г<ород> Шарью Горь<овского> края, где оканчивал свой минус мой муж. Там я поступила на службу в Госбанк. Прошла паспортизация, и я получила 3-х год<ичный> паспорт. 24.12.33 г<ода> кончился минус мужа, но мы были задержаны работой (составление отчета) до весны, когда направились в наш родной город Ленинград. Там ожидала нас моя мать — глубокая старушка. Меня прописали временно, дав надежду прописать в дальнейшем на постоянное место жительства. Я поступила на службу в Уч<ебный> комбинат при Заводе № 4 где проработала 6 мес<яцев>, но после убийства т<оварища> Кирова в продлении практики было отказано, и мне пришлось покинуть тяжело больных — 90 лет<нюю> мать и 63 лет<нюю> сестру и уехать к мужу, сначала в Новгород, а в настоящее время в Боровичи. Положение получилось безвыходное: жить в Л<енингра>де, где мне предлагают работу, и где моей помощи настоятельно требуют мать и сестра, мне не дают, а в провинции на службу ни одно учреждение не принимает, ссылаясь на распоряжение не принимать бывш<их> высланных по ст<атье> 58. Выходит, что приходится погибать, т<ак> к<ак> без работы существовать у нас нет средств. А принимая во внимание, что высланы мы были по обвинению в

⁷ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 726. С. 90. Автограф.

⁸ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1: Д 1040. С. 25; Д. 1709. С. С. 171-180. И. Флиге, А. Даниэль. "Дело А. А. Мейера". СПб.: "Звезда", 2006. С. 157-198.

⁹ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1: Д 1040. С. 24-32; Д. 1709. С. С. 171-180. И. Флиге, А. Даниэль. "Дело А. А. Мейера". СПб.: "Звезда", 2006. С. 157-198.

участии в религ<иозно>-философ<ском> кружке пр<офессора> Мейера, в котором никогда не участвовали, как и ни в какой другой антисоветской организации, а на всех совет<ских> службах мы всегда считались работниками выше всяких похвал, — получается что-то непонятное.

16.11.35 г<ода> я обратилась с заявлением к т<оварищу> Сталину, копию при сем прилагаю. Ответа до сих пор нет.

Обращаюсь к Вам с просьбой войти в мое положение и в положение моей 90 л<етней> матери, вдовы известного ученого, и помочь мне получить разрешение жить и работать в Л<енингра>де, где я могла бы оказать необходимую помощь моим близким, а сама быть полезной своей работой, знанием и опытом.

Копию заявления посылаю Вам без обращения, может быть, Вы найдете нужным передать его в ЦИК или другое учреждение.

К заявлению т<оварища> Сталину была приложена врачеб<ная> справка о состоянии здоровья моей матери.

Евгения Тайбалина.

Мой адрес: г<ород> Боровичи Лен<инградской> обл<асти>,
ул<ица> Подбельского, дом № 63
27.12.35 г<ода>»¹⁰.

К письму была приложена копия ее заявления к И. В. Сталину.

«Гр<ажданки>ки Тайбалиной Евгении Андреевны, прожив<ающей> г<ород> Боровичи Лен<инградской> области, ул<ица> Подбельского, д<ом> № 63

Заявление

В Ленинграде у меня 90-летняя старушка-мать, вдова известного ученого, профессора медицины Пеликина, трудами которого до сих пор пользуется слушатели Медиц<инской> Академии и Ин<ститу>та, — персонального пенсионера. Она страдает сильными кровотечениями <...> к тому же слепнет, и по старости, и болезни не может обходиться без посторонней помощи.

Я же лишена права жить в Ленинграде. Решаюсь обратиться к Вам с убедительной просьбой помочь мне. Вот моя краткая автобиография.

Родилась в 1879 г<оду> в Ленинграде. Мать моя, О. А. Пеликина, овдовев, когда мне было 5 лет, воспитывала меня на несчастную его пенсию. Других средств у нее не было. С детства приучила меня к трудовой жизни. Я окончила гимназию, Технико-Педагогический Ин<ститу>т, изучила языки: французский, английский, немецкий и печатание на пишущей машинке русской и иностранной. С 20 лет начала зарабатывать частными уроками (1897-1911 г<оды>). С 1911 по 1913 г<од> работала в качестве переводчицы научно-технического и литературного отделов в журнале "Вестник Знания". С 1913 по 1919 г<од> занимала должности корреспондентки иностранных языков, затем пом<ощника> зав<едующего> Инстр<анным> отделом. Революция застала меня в последней должности в Нефт<яном> Пром<ышленном> Акц<ионерном> Об<щест>ве. В 1918 г<оду> вступила в члены Союза Нефтепромышленников. С 5.2.1919 г<ода> по 25.2.23 г<ода> была мобилизована в качестве машинистки в 7-й Район Военстроя. Уволена за ликвидацией таковой. До конца сентября 1924 г<ода> снова занималась частными уроками, затем поступила делопроизводителем-машинисткой-кассиром в Сан<итарном> Тех<ническом> Бюро "Рабочее Оздоровление"

¹⁰ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1506. С. 107. Автограф.

при Раб<очем> Патронате "Друг Детей", где проработала до ликвидации учреждения в августе 1927 г<ода>. Заболев туберкулезом, получила пожизненную пенсию, как инвалид 3 разр<яда>. В 1929 г<оду> подверглась в августе м<еся>це адм<инистративной> высылке на 3 года в Северный край, по постановлению Москов<ской> Коллегии ОГПУ. Обвинение — принадлежность к религиозно-философ<скому> кружку проф<ессора> Мейера. Об этом кружке я и не подозревала и с пр<офессором> Мейером по сие время не знакома. Все время высылки я работала 2 г<ода> в Усть-Куломском РИКе, а затем, после 3-х мес<яцев> болезни сыпняком, перешла в Леспромхоз. В последнем работала до окончания срока, когда, в ожидании освобождения переехала в Усть-Сысольск, где работала машинисткой в Комилесе и ½ года преподавала немецкий язык в Пед<агогическом> Ин<ститу>те. Как до высылки, так и во время таковой, где бы ни работала, получала лучшие отзывы за исключительно добросовестное отношение к делу и ударные темпы. По полном освобождении переехала в г<ород> Шарью, где мой муж отбывал минус 12 по одному делу со мной. В Шарье Горьк<овского> края я была застигнута паспортизацией, получила 3-х год<ичный> паспорт и поступила в Госбанк, где работала 9 мес<яцев> машинисткой, одновременно добровольно помогая по счетоводству, за что получили благодарность в приказе. Узнав о болезни матери, уволилась и отправилась в Ленинград. Там, будучи временно прописана, работала 6 мес<яцев> в Уч<ебном> комбинате при Заводе № 4, где была премирована за лучшие показатели в работе. После убийства т<оварища> Кирова мне отказали в продлении прописки. Треугольник Комбината отпускал меня с сожалением и обещал дать лучшую характеристику в случае надобности.

Переехав сначала в Новгород, затем в Боровичи, я очутилась в безвыходном положении, — не только не могу дать нужный уход моей матери, но и сама обречена на гибель, т<ак> к<ак> ни одно учреждение не решается предоставить работу бывш<ей> высланной, несмотря на нужду в работниках.

В силу сказанного, прошу Вас о предоставлении мне права жить и работать в Ленинграде, чтобы я могла на деле применить приобретенные опыт и знания и одновременно поддержать старушку мать.

Евгения Тайбалина»¹¹.

16 апреля 1937 — Григорий Григорьевич Тайбалин был арестован.
27 октября приговорен к ВМН и 6 ноября расстрелян¹².

16 апреля 1937 — Евгения Андреевна Тайбалина была арестована.
27 октября приговорена к ВМН и 6 ноября расстреляна¹³.

¹¹ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1506. С. 108-109. Автограф.

¹² «Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск. М., «Звенья», изд. 3-е, 2004.

¹³ «Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск. М., «Звенья», изд. 3-е, 2004.